

1988 год

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи
УДК 808.4-087(438)

БОГАТЫРЕВ Константин Константинович

**А К Ц Е Н Т У А Ц И Я
СЕВЕРОЛЕХИТСКИХ ГОВОРОВ
С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

10.02.03 — Славянские языки (западные и южные)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 1988

Работа выполнена в секторе структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ —

член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук
А. А. Зализняк.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук, профессор А. Е. Супрун,
кандидат филологических наук Р. В. Булатова.

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР.

Защита состоится « 7 » июня 1988 г. в 16⁰⁰ ч.
на заседании специализированного совета Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения и балканистики АН СССР по адресу: 125040 Москва, Ленинградский проспект, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славяноведения и балканистики АН СССР (Москва, Трубниковский пер., д. 30а).

Автореферат разослан « 25 » апреля 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

Г. К. Венедиктов

Говоры, составляющие исходный материал реферируемой диссертации, в лингвистической литературе называются кашубскими (чаще в отечественных работах), или поморскими (обычно в работах польских и немецких исследователей: нем. pomoranische Dialekten, польск. gwary pomorskie, pomorszczyzna). Далее в качестве родового, общего для всех рассматриваемых идиомов, будет использоваться второе название, поскольку первое иногда применяется лишь к юго-восточной части исследуемого ареала.

В описаниях рассматриваемой диалектной группы зафиксирован ряд легко интерпретируемых и, по всей вероятности, весьма архаичных систем, заслуживающих самого пристального внимания акцентологов. Особый интерес представляет сохраняющееся в части говоров взаимное ударение.

Для включения данных северолехитской диалектной группы в фонд славянской акцентологии необходимо достаточно широкое и подробное обследование материала, обеспечивающее, по возможности, надежную интерпретацию в терминах общеславянской акцентологической реконструкции. Данная работа представляет собой попытку частичного решения этой задачи.

Актуальность темы определяется недостаточной изученностью в историко-акцентологическом отношении западнославянской языковой области и, в особенности, ее северной части, что становится все более заметным на фоне значительного прогресса в изучении южно- и восточнославянских акцентных систем.

Научная новизна диссертации обусловлена характером поставленной задачи - исследованием в максимально возможном объеме акцентологически значимых характеристик праславянской лексики исследуемой диалектной группы в рамках единой сравнительно-исторической концепции. До настоящего времени в распоряжении исследователей имелись работы, обсуждавшие лишь отдельные фрагменты рассматриваемых в диссертации акцентных систем, часто - с взаимоисключающими позициями.

Практическая ценность работы определяется возможностью включения материала диссертации в фонд данных Праславянского акцентологического словаря, работа над которым ведется в Институте славяноведения и балканистики.

Апробация диссертации. Полученные результаты изложены автором

в двух докладах на конференциях памяти И. И. Ревзина (Ревзинские чтения) в Институте славяноведения и балканистики в 1984 и 1987 годах. Диссертация обсуждена на заседании сектора структурной типологии славянских и балканских языков в мае 1987 года.

Цель работы - исследование нескольких уровней (фонетики, морфонологии, морфологии) поморских диалектов с точки зрения концепций и задач праславянской акцентологической реконструкции.

Основной метод исследования - сравнительно-исторический. Для реконструкции праславянских акцентных характеристик проводится сравнение поморского материала с материалом современных лехитских диалектов (малопольского и великопольского), литературного польского языка, словацкого и чешского языков, моравского диалекта, литературных южнославянских языков (в первую очередь сербохорватского и словенского), современных чакавских говоров, и старохорватского чакавско-кайкаского диалекта, известного по текстам Крия Крижанича (XVII век); восточнославянский материал в основном заимствован из исследований, посвященных анализу древнерусских акцентных систем (работы А. А. Зализняка, В. А. Дыбо, Л. Л. Васильева и др.), используются также данные современных литературных языков.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложений.

Во введении формулируется задача работы и основные принципы сравнительно-исторической реконструкции - главного метода исследования, определяются некоторые важнейшие понятия, используемые в реконструкциях суперсегментного уровня. Далее во введении излагаются основные положения современной праславянской акцентологической реконструкции, связанной, прежде всего, с работами Хр. Станга, В. М. Илич-Свитыча и В. А. Дыбо. Как известно, эта реконструкция предполагает общеславянский характер трех акцентных парадигм (а. п.): а, в и с. Для а. п. а реконструируется неподвижное ударение на основе, для а. п. в - колонная окситонеза с рядом последующих ретракций, различных в разных диалектных зонах, для а. п. с - маргинальная подвижность. Исторически а. п. а и в восходят к балто-славянской неподвижной парадигме, причем первая включает корни с балто-славянской акутовой интонацией, а вторая - все прочие (т.

е. корни с балто-славянским циркумфлексом или краткостью): а. п. с восходит к балто-славянскому подвижному типу. На общеславянском уровне у основ а. п. а сохраняется акутовая интонация корня, у основ а. п. в в формах с накоренным (вследствие ретракции) ударением обнаруживается новоаккутовая интонация, а в начальнударных формах а. п. с - падающая интонация (славянский циркумфлекс), возникающая независимо от первоначальной балто-славянской интонации корня.

Как показал В. А. Дыбо, принадлежность основы к одному из двух балто-славянских типов определялась акцентными свойствами составлявших ее морфем: к неподвижному типу относились основы, содержавшие хотя бы одну "плюсовую" морфему, а к подвижному - основы, целиком состоявшие из "минусовых" морфем: на балто-славянском уровне акцентная маркировка морфемы ("плюс" или "минус") не зависела ни от каких сегментно-фонетических, просодических, морфологических, семантических, или иных ее характеристик.

В заключительной части введения приводится обзор исследований по сравнительно-исторической акцентологии славянских языков (а также связанных с этой проблематикой работ по балтийской и индоевропейской акцентологии), излагается история создания современной акцентной реконструкции.

В первой главе ("Северолехитские диалекты как источник праславянской акцентологической реконструкции") дается характеристика исследуемых северолехитских диалектов, источников материала и транскрипции.

В рассматриваемой диалектной зоне описаны, в частности, следующие группы говоров:

а) словинцские говоры в конце XIX - начале XX века сохранялись в пятнадцати населенных пунктах на участке побережья к западу от г. Леба между озерами Леба и Гардер. Акцентная система - одна из самых архаичных. К настоящему времени эту подгруппу следует по всей вероятности считать полностью вымершей: обследования, проведенные в ходе подготовки Кашубского лингвистического атласа, выявили единственный населенный пункт (Kluki Smoldzińskie, нем. Schmolziner Klucken), в котором еще сохранялись следы словинцской речи. К счастью, имеется исключительно подробное описание этого диалекта, отражающее результаты полевых исследований Ф. Лорентца.

проведенных в начале этого столетия. Оно включает словарь, грамматику, содержащую как описательные, так и сравнительно-исторические разделы, и сборник текстов:

б) северозападные кашубские или кабатские говоры, представленные небольшим числом примеров.

в) северокашубский (былякский) говор деревни Jastarnia (Heisterneest), описанный Г. Бронишем; северокашубский материал отражен также в словарях Г. Поблоцкого и Ст. Рамулты;

г) южнокашубские говоры, сохраняющиеся в настоящее время. По данным Кашубского лингвистического атласа зона их распространения на конец 50-х годов представляла собой узкую (шириной не более 30-40 километров) полосу в северной части Гданьского воеводства, ограниченную с севера береговой линией (на участке Владиславово-Пуцк-Гдыня), на востоке - линией Гдыня-Жуково-Косьцержина, и далее примерно на 20 км к юго-западу; западная граница проходит на 15-20 км восточнее линии г. Леба-Лемборк-Бытув-Мястко (т. е. примерно совпадает с границей воеводства), а затем поворачивает на юго-запад по течению реки Брда. Обширный материал по современным кашубским говорам содержится в кашубском словаре Б. Сыхты:

д) к востоку от южнокашубской диалектной зоны начинается область саборских и переходных великопольско-кашубских говоров, к этой группе относится в частности и кочевский диалект, материал которого представлен в кочевском словаре Б. Сыхты (B. Sychta. Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. T. 1-3. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1980-1984 [далее сокращенно SK]).

Данные всех названных источников (а также некоторых других, оставшихся для нас недоступными) суммированы в "Поморском словаре" Ф. Лорентца - Ф. Хинце (Lorentz Fr. Pomoranisches Wörterbuch. Hrgb von F. Hinze. Bd. 1-5, Berlin 1958-1983 [далее сокращенно PW]). Однако его первый том, подготовленный Ф. Лорентином, не дает полной информации об ударении, так как в заголовках словарных статей даются реконструированные автором протопоморские формы, реально не засвидетельствованные в диалектах, а принципы реконструкции поморского ударения, примененные в PW, не всегда верны. В последующих выпусках словаря и дополнениях приводятся лишь реально засвидетельствованные примеры.

В исследованиях, описаниях и словарях принято несколько раз-

личных транскрипций. Современная транскрипция, восходящая к системе, разработанной К. Нитчем и Т. Лером-Сплавинским, используется в словарях Б. Сыхты а также в публикациях последнего времени и не представляет каких-либо трудностей. Сложнее обстоит дело с транскрипцией, применяемой в работах Ф. Лорентца. Лорентц использовал две принципиально различные системы, каждая из которых исключительно подробна (и трудновоспроизводима).

Словинская транскрипция, примененная, в частности, в "Словинском словаре" (Fr. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch. Bd. 1-2. СПб, 1908-1912 [далее сокращенно SW]) и "Словинской грамматике" (Lorentz Fr. Slovinzische Grammatik. СПб, 1903), фиксирует материал семи весьма близких говоров с максимальной детализацией (нельзя не отметить поразительный фонетический слух ее создателя). Автор, очевидно, стремился со всей возможной полнотой передать звуковой строй вымирающего диалекта. Для обозначения ударения в этой системе применяется 5 различных символов, передающих интонацию и количество ударного слога.

Обшепоморская транскрипция, используемая в "Поморском словаре" (PW), а также, с некоторыми изменениями, в "Поморской грамматике" и в ряде других работ Лорентца, опирается на реконструкцию фонетической системы, непосредственно предшествовавшей синхронно наблюдаемому состоянию, но реально не засвидетельствованную ни в одном из поморских говоров. Так, например, транскрипционные значки ě и ə , встречающиеся в одних и тех же позициях, во всех поморских говорах соответствуют фонеме $/\text{ě}/$. Разница между ними чисто этимологическая: первый обозначает рефлекс праславянского $*\text{u}$, а второй восходит к праславянским $*\text{i}$, $*\text{y}$, $*\text{ę}$. [Так как составитель второго и последующих томов PW не во всех случаях мог надежно определить происхождение поморского $*\text{ě}$ (например в заимствованиях), ему пришлось ввести еще один транскрипционный знак $[\text{š}]$ для $/\text{ě}/$ неясного происхождения]. Значки, изображающие носовые звуки, записываются во всех позициях на месте славянского $*\text{ŕ}$, хотя во многих говорах рефлексы $*\text{ŕ}$ в части позиций назальность утратили. В этих случаях (а также в некоторых других, таких как различение или неразличение обшепоморских латеральных ł и l , оглушение конечных звонких и т. д.) переход от чисто фонетической транскрипции (типа системы, применяемой в SW, и подобных ей), или современной кашуб-

ской транскрипции к этимологической системе РВ невозможен во многих случаях без знания истории отдельных слов.

Примеры из источников, применяющих современную кашубскую транскрипцию, приводятся в диссертации без каких-либо изменений. Примеры из РВ и "Поморской грамматики" даются в упрощенной записи, практически совпадающей с современной транскрипцией (упрощения тривиальны). Словинцкие примеры, взятые в основном из SW, приводятся в упрощенной записи, близкой к современной. Упрощения имеют чисто графический характер и не претендуют на статус фонологической транскрипции. Правила пересчета приводятся в приложении 1.

По данным имеющихся описаний наиболее важным с акцентологической точки зрения представляется разделение поморских говоров на северные и южные: для северной подгруппы характерно сохранение разноместного ударения, в южной представлены различные переходные системы с ограниченной подвижностью или с фиксированным ударением. Акцентуация северпоморских говоров описана наиболее подробно и, естественно, большинство акцентологических исследований опирается на их материал. Данная работа также следует этой традиции.

Как известно, важнейшим акцентологически обусловленным явлением в поморском вокализме является следующее. Все праславянские гласные, за исключением *ъ и *ь, а также сочетания кратких и редуцированных с сонантами в закрытом слоге, представлены в поморских диалектах двумя различными рефlekсами (или двумя группами рефlekсов): гласные *ā, ō, ē, ĭ, ɸ* выступают в перестроенном слоге (то есть таком, за которым следовал слог, содержащий слабый редуцированный [термин А. А. Зализняка]) перед звонкими согласными, а также на месте праславянских долгих гласных (или сочетаний с сонантами) под интонацией нового акута или предударных; прочие гласные (*a, o, e, ɛ, i, u, ɶ*) - во всех остальных позициях. Гласные первого типа, отражающие, очевидно, общелехитские долготы, называются суженными [польск. *roczulone*, буквально "наклоненные", у Лорентца - "долготные" (*langstufige*)].

В максимальной степени противопоставление суженных и несуженных гласных представлено в словинцком диалекте. В кашубских диалектах, составивших материал словаря Б. Сыхты (B. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T. 1-7. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1967-1976 [далее сокращенно SGK]), противопос-

тавление суженных и несуженных гласных отсутствует для *i и *u. В переходном кочевском диалекте, судя по словарю того же автора (SK), - для *a, *i, *u. Специфическое отражение общелехитских долгот сохраняется в малопольских и великопольских говорах для *a и *ě, а также (как и во всем лехитском ареале, включая литературный польский язык) для общеславянских носовых гласных и сочетаний с сонантами.

С противопоставлением суженных и несуженных гласных любопытным образом связана фонологическая интерпретация словинского вокализма, предложенная Н. С. Трубецким. Анализируя тональные обозначения в словинской транскрипции Лорентца, Трубецкой обнаруживает в словинском противопоставление по долготе-краткости, различение высокого и низкого регистров (Hochton/Tiefton), соответствующее ударности-безударности в традиционных описаниях; а для гласных верхнего регистра (всегда долгих) - противопоставление восходящей и нисходящей интонаций (langsteigend/langfallend). При этом ударные гласные ā, ō, ē, ĭ, ŭ, ǫ (суженные) всегда выступают с падающей интонацией, а гласные a, o, e, ā, i, u, ā, ě (несуженные) - с восходящей, что, в частности, позволяет считать пары [i], [ĩ]; [u], [ũ] аллофонами двух фонем, /i/ и /u/, в разных просодических контекстах. При этом суженные гласные характеризуются, помимо падающей интонации, сегментным признаком напряженности, в отличие от восходящих/ненапряженных несуженных.

В заключительных разделах первой главы приводятся сведения о схемах ударения в словинском - наиболее полно описанном северо-поморском диалекте с подвижным ударением. В именном словоизменении противопоставлены два акцентных типа: неподвижный с ударением на основе и подвижный (у существительных) или окситонный (у прилагательных). В системе спряжения, напротив, не обнаруживается акцентуационных различий, которые не были бы мотивированы словоизменительной категорией или типом основы.

Во второй главе ("Отражение закономерностей праславянской акцентуации в поморском именном словоизменении") рассматриваются следующие классы основ: производные существительные, производные прилагательные, а также деноминативы с суффиксами *-ьj- и *-ьn-. Материал главы разбит по этимологическим акцентным парадигмам; отдельно рассматриваются основы с первоначально долгими и

первоначально краткими корневыми гласными (подавляющее большинство рассматриваемых основ имеет односложные корни). Анализ системы непроизводных существительных позволяет сделать следующие выводы.

а) Словинский диалект.

У имен мужского рода, восходящих к а. п. а, представлены оба акцентных типа (неподвижный и подвижный) при несуженном в открытых слогах и/или перед глухими согласными корневым гласном. неподвижный акцент отмечен у существительных bjič, brat, čad, dīm, grād, xléb, xlor, rāk, vjatěr; подвижный - у имен čas, grox, xmjél, mārz, pāry, žid. В одном случае (klīn) суженный корневой гласный наблюдается во всех позициях. У имен славянской а. п. б с долготными корнями ударение всегда неподвижное при суженном во всех позициях корневом гласном (bīk, droq, dřón, zél, ftāx, gnāt, grqđ, grēx, xlév, xlor, xrost, xrost, klěšć, klūč, kqđ, król, křij, līn, mlěc, pārx, plāšć, přišć, slūr, smjēx, sqđ, ščit, trqđ, trúd, vjēr̄x, vúd, žál); для краткостных корней обычно подвижное ударение (bās, bób, dvōr, koš, nōž, rój, znor, vóg'eā, vól; неподвижное ударение представлено у двух слов - kōā и akot) при несуженном в диагностических позициях корневом гласном. Существительные, принадлежащие к славянской а. п. с, имеют, как правило, подвижное ударение (blqđ, břēg, čart, čoun, dār, diūg, dqđ, glos, gnév, klos, koul, krqđ, kqřc, kvas, kvjat, las, lēst, lúb, mjex, mlot, praq, prox, rāz, rqb, saq, sin, slēj, strēp, tār̄g, vjek, vlok, vlos, voul, vřos, vřod, znak, zqb, zvjēr̄, žlob [долготные корни]: bōg, bok, bōr, brōd, dól, dōm, gnój, gosc, gróm, lój, most, nos, rōd, rōg, vōz, znój, zvōn [краткостные корни]). У существительных čin, glōd, xlōd, řod, snēg, svjat ударение, по всей видимости, неподвижное. Во всех указанных случаях представлен несуженный корневой вокализм. У трех слов (dūx, k'ij, trūr) в диагностических позициях обнаруживается суженный корневой гласный.

В среднем роде у имен а. п. а наблюдается неподвижное ударение (bjardo, bloto, garlo, jablo, lato, maslo, mēdlo, mjasto, pačo, pravo, rādlc, rāno, šēdlo, vjeko, žaqlo, žeto); при несуженном в диагностических позициях корневом гласном; подвижный акцентный тип представлен только у слова lāko. У имен а. п. б с долготными корнями ударение всегда неподвижное при суженном корневом гласном (gāžāzdo, jōdro, křidlo, lico, mito, mlōko, mōřē,

párkno, pjiismo, plótno, plúto, ráno, sídlo, střebro, súkno, vjino, vlókno). У четырех из пяти краткостных имен акцент неподвижный (sodlo, vjoslo, vokno, zvjono; но čolo) при несуженном корневом гласном (исключение: словинц. pjóro). Акцентная парадигма с представлена, независимо от количества корневого слога, именами с подвижным ударением (salo, dřevo, jajo, mjašo, vano, vuxo; [долготные корни]: kolo, voko, jezoro [краткостные корни]: исключение: hebo) при несуженном вокализме (исключение: pjiivo).

У существительных женского рода представлены оба акцентных типа, независимо от первоначальной акцентной парадигмы и количества корневого слога, однако у существительных, восходящих к а. п. а, неподвижный тип преобладает в отношении 3:1 (неподвижный акцент: baba, bfoza, čapla, gaba, gnjida, grablě, guba, xiče, jama, kloda, kura, lapa, lava, lěpa, mača, mjara, mreža, njiva, pjana, rāna, rěba, saza, slěva, sloma, spjica, šata, ščuka, šēja, tača, varna, vjara, vouna, žaba, žěla; подвижный акцент: droga, glěna, grěva, krova, laska, muha, pjega, plova, řera). Вокализм всегда несуженного типа (исключение: žuba). У долготных корней а. п. б в диагностических позициях представлен суженный корневой гласный (bjěda, dūra, prāca, svjěca, řvjěca, řčěra, trōba, trāska [неподвижный акцент]; bārna, bārda, gvjāzda, kvāla, jūha, krāsa, mjāzga, moka, řeka, střōda, trāva [подвижный акцент]), у прочих - несуженный (koza, sostra, vosa [неподвижный акцент]; stopa, vdova, žona [подвижный акцент]). У имен а. п. с вокализм всегда несуженный (долготные корни: broda, děša, gřada [неподвижный акцент]; glova, pjata, řaka, sčana, střōda, zěma [подвижный акцент]; краткостные корни: dšeka, smola [неподвижный акцент]; jegla, kora, kosa, noga, rosa, voda, zemja [подвижный акцент]). В склонении на -i- строго соблюдается следующее соотношение: неподвижный акцент имеют имена а. п. а (mšě, řic, pjeršě), - при несуженном корневом гласном, и а. п. б (dvjěřě, véc, оба с долготными корнями), - при суженном вокализме; в а. п. с представлен только подвижный тип, корневой гласный всегда несуженный (gag, kovc, nos, sól, vos).

Указанные соотношения иллюстрируются следующими таблицами:

Мужской род

а		в долг.		в кратк.		е долг.		е кратк.	
н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.
9/6	1/0	-	31/0	2/9	-	6/39	4/0	0/17	-

Средний род

а		в долг.		в кратк.		е долг.		е кратк.	
н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.
16/1	1/0	-	17/0	4/1	1/0	0/6	1/0	1/3	-

Женский род

Склонение на -а

а		в долг.		в кратк.		е долг.		е кратк.	
н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.
34/10	1/0	-	8/11	3/3	-	3/6	-	2/7	-

Склонение на -i

а		в долг.		в кратк.		е долг.		е кратк.	
н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.	н.	с.
3/0	-	-	2/0	-	-	0/1	-	0/4	-

Обозначения: с. - суженный корневой гласный, н. - несуженный корневой гласный; слева от косой черты приводится число слов с неподвижным ударением, справа - с подвижным.

б) Былякский диалект.

Анализ распределения затруднен тем обстоятельством, что в описании былякского говора деревни Jastarnia (Heisternest), принадлежащем Г. Бронишу, приводятся только конечноударные формы, указывающие, очевидно, на подвижный акцентный тип соответствующих лексем, а состав класса с неподвижным акцентом неизвестен. Кроме того, объем материала меньше, чем для словинцкого и кашубского диалектов: в основном это существительные мужского рода; существительных женского рода значительно меньше, средний род практически не представлен. Сравнивая былякский материал со словинцким, можно заметить, что из 9 существительных мужского рода акцентной парадигмы а, имеющих в словинцком неподвижное ударение, конечноударные формы отмечены в былякском у 2-х, а из 6 словинцских имен с подвижным ударением в былякском отмечены 4 (то есть всего 6 существительных с подвижным акцентом для а. п. а). В акцентной парадигме в это соотношение составляет 7 из 31 для долготных кор-

ней и 7 из 11 для краткостных. Полагая, что в материалах Г. Бро-ниша равно представлены все три славянские акцентные парадигмы, можно заключить, что наибольшее число конечнударных форм в былякском отмечено у имен а. п. е, а также а. п. ь с краткостными корнями. У имен а. п. ь с долготными корнями таких форм меньше, кроме того, все они (за исключением былякск. *ūt*) представлены формой L. Sg. на *-ŭ*, в то время, как среди имен других акцентных классов имеется также большое количество примеров G. Pl. на *-ŭr* и, реже, на *-ī*. Поэтому не исключена возможность того, что конечнударные формы L. Sg. на *-ŭ* в былякском возможны в парадигмах обоих акцентных типов при сохранении прочих акцентуационных различий.

Принципы отражения корневого вокализма в былякском те же, что и в словинском.

в) Кашубский и кочевский диалекты.

В этих диалектах, как уже говорилось, отсутствует противопоставление подвижного и неподвижного акцента. Позиции возникновения суженных гласных те же, что в словинском и былякском (но двоякое отражение славянских долгот сохраняется лишь у части гласных фонем).

Итак, наиболее надежным акцентно-обусловленным параметром у общеславянских долготных корней оказывается наличие или отсутствие суженного гласного. Это свойство сохраняется (правда, в разной степени) во всех поморских диалектах и согласуется с аналогичными явлениями в других лехитских диалектах, а также (с поправкой на отсутствие вторичного удлинения в перестроенных слогах перед звонкими согласными) и в словацком.

Ударение (здесь надежным источником оказывается лишь словинский диалект) не всегда коррелирует с праславянскими акцентными характеристиками: если у существительных мужского и среднего рода (славянские *o-*, *u-* и некоторые *i-*основы) неподвижный акцентный тип у долготных корней а. п. ь всегда сопровождается суженностью корневого гласного, то у существительных женского рода эта корреляция нарушена - суженный корневой гласный возможен как при неподвижном, так и при подвижном акцентном типе. У существительных, восходящих к славянской а. п. а, преобладает неподвижный акцентный тип, а в а. п. е - подвижный (для некоторых отклоняющихся существительных мужского рода неподвижный акцент может быть закономерным отраже-

нием диалектного варианта праславянской акцентовки).

Все же, соотношение двух синхронно зафиксированных акцентных типов с праславянскими акцентными парадигмами имеет, по крайней мере у имен мужского и среднего рода, системный характер. Закономерно возникает вопрос о том, каким образом старая акцентная система, первоначально представленная по крайней мере тремя схемами ударения, свелась к двум акцентным типам в словинском. Гипотезу П. Гарда о прямом соответствии лехитских (и вообще западнославянских) акцентных типов двум балто-славянским (и индоевропейским) акцентным парадигмам приходится отклонить в силу очевидного и регулярного противопоставления рефлексов а и в-парадигм у существительных с долготными корнями. Обращает на себя внимание расщепление а. п. в на два подкласса в зависимости от количества корневого слога. В. А. Дыбо предположил здесь оттяжку ударения на предшествующий долгий слог, то есть процесс, аналогичный (или тождественный, с учетом последующих аналогических выравниваний) "закону Крижанича" (В. А. Дыбо. Лекции по славянской акцентологии [рукопись]).

Схема ударения подвижного акцентного типа в словинском отличается от первоначальной схемы славянской а. п. е (по реконструкции В. А. Дыбо) тем, что в ряде форм с односложными (до падения редуцированных) окончаниями ударение с окончаний перенесено на основу. Сохраняют на себе ударение два односложных окончания: *-у (словинц. -ŭ) [I. Pl.], возможно по аналогии с *-ŭmi, *-ami (словинц. -mŭ, -amŭ) и *-u (словинц. -u), - окончание имеющее особый акцентный статус и в других славянских языках. Двусложные (в праславянском) окончания сохраняют на себе ударение независимо от праславянского просодического статуса (например словинц. -ěx [L. Pl. м. и ср. р.] < *-ěxъ < *-ěxŭ с закономерным отражением интонации нового акута; -om [D. Pl. м. и ср. р.], очевидно из *-omъ < *-omŭ; -ax [L. Pl. ж. р.] < *-axъ, с отражением акутовой интонации, и т. п.; конечное ударение в окончании I. Pl. ж. р. -amŭ (праславянское *-amŭ) по-видимому объясняется влиянием акцентовки окончания славянских u-основ *-ŭmi [как и в случае словинц. -ŭ]).

Прилагательные а. п. а с основой, оканчивающейся на глухой согласный, всегда имеют несуженные корневые гласные (сэхŭ, čistŭ, lěsŭ, sětŭ [здесь и далее, если не указано обратное, приводятся

примеры из словинского диалекта]), а основы с исходом на звонкий согласный - как суженные, так и несуженные: в словинском диалекте формы с несуженными гласными в корне могут иметь как корневое, так и конечное ударение, формы с суженными гласными - только корневое (mǎlŭ, mǐlŭ, prǎvŭ, sěvŭ, slabŭ, stǎrŭ, šarŭ, zdróvŭ, xŭtrŭ, jasnŭ).

У прилагательных а. п. б с долготными корнями корневой гласный всегда представлен суженным рефлексом, ударение в словинском всегда корневое (glŭpŭ, skŕpŭ; bjǎlŭ, čǎrnŭ, mŏdrŭ, nĕglŭ, trĕzvŭ); у краткостных корней - как корневое, так и конечное (dŏbrŭ, gŏlŭ; xromŭ, skorŭ).

Для а. п. с (долготные корни) в словинском обычно ударение на окончании при несуженном корневом гласном (častŭ, gastŭ, glĕxŭ, kašŭ, krǎtŭ, pustŭ, sĕxŭ, slapŭ, svatŭ, tapŭ, zlotŭ [основы с исходом на глухой согласный]; bladŭ, callŭ, cĕzŭ, čvjardŭ, drĕgŭ, drog'ŭ, zĕvŭ, gĕllŭ, kudŭ, jarŭ, krĕvŭ, nagŭ, nemŭ, šadŭ, tagŭ, žĕvŭ; исключение dirzŭ), единственный краткостный корень (bŏsŭ) имеет корневое ударение.

В былякском диалекте наибольшее количество конечноударных форм (16) отмечено для а. п. с, для а. п. а - 4, для а. п. б - ни одной.

Отражение в поморском акцентных парадигм б и с не требует специальных объяснений. Непонятны колебания в отражении корневого гласного у прилагательных а. п. а (они наблюдаются только у основ с исходом на звонкий согласный). — Напомним, что в соответствии с законом Хартманна у имен а. п. а и б в членной форме равно ожидается ударение на корне, причем для а. п. а - акутовое, а для а. п. б - новоакутовое (tĭxъĭ, bĕlъĭ, čĕstĭĭ). В нечленных формах для а. п. а реконструируется акутовое ударение на корне (tĭxъ, tĭxa, tĭxo), для а. п. б - новоакутовое ударение на корне в форме N. Sg. мужского рода и конечное - для N. Sg. женского и среднего рода (bĕlъ, bĕlĕ, bĕlŏ); для а. п. с - конечное ударение в форме N. Sg. женского рода и фразовая безударность (славянский циркумфлекс) - для мужского и среднего (čĕstъ, čĕstĕ, čĕsto). Таким образом, если возводить поморские прилагательные с суженным корневым гласным к членным формам (что наиболее естественно), то позиция удлинения отсутствует: за корнем следует редуцированный гласный в сильной

позиции или гласный полного образования, а если предположить, что вскализм поморских прилагательных отражает акцентуацию славянских кратких форм, то остается неясным, почему колебания наблюдаются только у имен а. п. а - так как формы с перестроенным корневым слогом (N. Sg. мужского рода) одинаково представлены во всех трех акцентных парадигмах.

Зависимость акцентно-обусловленных характеристик отыменных производных от акцентного статуса производящей основы в некоторых поморских диалектах можно заметить для двух суффиксов: "плюсового" *-ьј- и "минусового" *-ьп-.

В связи с тем, что материал словинцкого и кашубского диалектов детально исследован В. А. Дыбо, в диссертации приводятся только те прилагательные, которые образованы от рассмотренных в данной главе непроемных имен. [Напомним, что производные от имен а. п. а (bábъjъ, čápъjъ, gárъjъ, xlópjъ, kózъjъ, kúъjъ, měъjъ, rěbъjъ, ráčъjъ, slěvъjъ, ščúčъjъ, várъjъ, žábъjъ) и а. п. б (bъčъjъ, ftěčъjъ, trůpъjъ [долготные корни]; kóбъjъ, kóзъjъ, vđóvъjъ) имеют накоренное ударение, а производные от имен а. п. с (čarcъjъ, gасъjъ [долготные корни]; božъjъ [краткостный корень]) - конечное. При этом для производных от имен а. п. а в праславянском реконструируется неподвижное акутовое ударение на основе (*bábъ-ьј-ь, *bábъ-ьј-а, *bábъ-ьј-е), для производных от имен а. п. б - неподвижное новоаккутовое ударение на основе (*bъčъ-ьј-ь, *bъčъ-ьј-а, *bъčъ-ьј-е), для производных от а. п. с - тип со вторичной подвижностью (*gасъ-ьј-ь, *gасъ-ьј-а, *gасъ-ьј-е); см. В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981, с. 168-170 и табл. 61].

Ситуация в классе производных с суффиксом *-ьп- оказывается более запутанной. У деноминативов с производящей основой, оканчивающейся на глухой согласный, распределение вполне соответствует ожидаемому: суженный гласный у производных от имен а. п. б с долготными корнями (mlěčъnъjъ, mčъnъjъ, pěčъnъjъ, pčъčъnъjъ, řčъčъnъjъ, slěčъnъjъ, smjěčъnъjъ, vjěčъnъjъ), несуженный - у всех прочих (lětnъjъ, pjěrsъnъjъ, řěrnъjъ, větnъjъ, vjětnъjъ, žětnъjъ [а. п. а]; lěsnъjъ, pársъnъjъ, pjátnъjъ, vúčъnъjъ [долготные корни а. п. с]; kópnъjъ, kóstъnъjъ, nócnъjъ, vóčъnъjъ [краткостные корни а. п. с]). В классе корней, оканчивающихся на звонкий согласный, преобладают суженные рефлексы: у 5 из 7 производных от имен а. п. а (cúčъnъjъ, mjěrnъjъ, mrčъznъjъ, vjěrnъjъ, žílъnъjъ; но

xmjélni, rānni) и у всех производных от долготных корней а. п. б (sōdni, stžěbŋni, stžědŋni, trūdŋni, vūdŋni) и с (džěvŋni, glōvŋni, pjivŋni, slědŋni, vjīdŋni, živŋni). Сравнение с основами на глухой согласный, а также отклонения в группе деноминативов, образованных от имен а. п. а, позволяют считать это явление вторичным. Ударение у производных с суффиксом *-ьп- обычно корневое (за исключением двух слов с краткостными корнями, восходящими к а. п. с). [Напомним, что для прилагательных, образованных от имен а. п. а, реконструируется неподвижное акутовое ударение на основе (*vērŋnъ, *vērŋna, *vērŋno), для прилагательных, образованных от имен а. п. б, - ударение на редуцированном гласном суффикса с последующей оттяжкой на предшествующий слог в тех случаях, когда редуцированный оказывается в слабой позиции (*grěšŋnъ, *grěšŋna, *grěšŋno), и для а. п. с - тип с маргинальной подвижностью (*dčlžŋnъ, *dčlžŋna, *dčlžŋno), см. В. А. Дыбо, цит. соч., с. 94].

Разница в распределении у производных с двумя суффиксами аналогичной структуры "редуцированный + звонкий сонант" объясняется, во-первых, их принадлежностью к двум различным морфонологическим классам ("плюсовому" и "минусовому"), а во-вторых, тем, что производные с суффиксом *-ьп- восходят, скорее всего, к членным формам, а производные на *-ьј- - к нечленным, так как славянские притяжательные прилагательные уже в древности не имели членных форм. Таким образом, в парадигме прилагательных с суффиксом *-ьј- следует реконструировать чередование перестроенных и неперестроенных слогов: *bāb-ьј-ь, ж. р. *bāb-ьј-а, ср. род *bāb-ьј-е; *būč-ьј-ь, ж. р. *būč-ьј-а, ср. род *būč-ьј-е; *gōv-ьј-ь, ж. р. *gōv-ьј-а, ср. род *gōv-ьј-е, и т. п., а у прилагательных на *-ьп- в членных формах слог, предшествующий суффиксу, всегда оказывается перестроенным: *žīl-ьп-ьъ, *mōč-ьп-ьј-ь, *živ-ьп-ьъ (в остальных формах за суффиксом всегда следует слог, содержащий гласный полного образования).

В третьей главе диссертации ("Реликты праславянских акцентных отношений в системе поморского глагола") рассмотрение ограничено глаголами с долготными корнями: как уже говорилось, акцентуация глагольных форм в поморских диалектах, сохраняющих подвижный акцент, не может служить источником информации о праславянском распределении, так как каждый глагольный класс почти всегда пред-

ставлен только одной схемой ударения. Таким образом, единственным значимым параметром оказывается суженность/несуженность корневого гласного, что выводит из поля зрения акцентолога краткостные корни.

Как показал В. А. Дыбо, в распределении акцентных типов у славянских тематических глаголов важную роль играет морфонология глагольных основ. Акцентологически значимым оказывается, в частности, различие двух типов основ: с корнями, оканчивающимися на шумные согласные, и с корнями на гласные и сонанты (включая *v*), то есть на нешумные. Глаголы с основами второго типа (на нешумные) обнаруживают в сущности тот же тип акцентного распределения, что и другие рассмотренные выше категории: среди них представлены лексемы как балто-славянского подвижного (а. п. е), так и неподвижного (а. п. а и б) классов. Более того, дополнительное распределение парадигм а и б оказывается в этом случае еще более наглядным в силу лучшей сохранности древней структуры корня. Иначе обстоит дело с корнями на шумные согласные. Принадлежность к одному из двух балто-славянских акцентных классов зависит в этом случае от строения презентной основы: глаголы с основой на *-e- относятся, как правило, к подвижному типу (славянская а. п. е), в то время как глаголы с презентом на *-je- и основы на *-ne- с инховативным значением относятся к неподвижному классу (а. п. а и б).

Среди рассмотренных в диссертации тематических глаголов наибольшее число труднообъяснимых отклонений от ожидаемого распределения обнаруживается в реликтовой группе с презентом на -e-, входящей к акцентным парадигмам а и б: формы будущего времени глагола *bēs* в северных диалектах, а также глагол *lesc* обнаруживают в корне суженные гласные, вопреки реконструируемой для них а. п. а, а глагол *jis*, напротив, имеет в формах презенса несуженный вокализм при ожидаемой а. п. б. Непонятен также суженный носовой гласный, появляющийся в ряде личных форм настоящего времени глагола *mos* (краткостный корень). В классе *j-praesentia* противопоставление а. п. а (1 л. ед. ч. наст. времени *kašļa, mažā, plačā, sērjā*) и б (*dřemjā, kāžā, līžā, māčā, pjīšā, pjišā, skāčā, ščīrjā, (z)vjēžā*) прослеживается в полном соответствии с реконструкцией. Для глаголов на *-nō- весь имеющийся материал относится к а. п. а (*gasnōc, gasnā; g'inōc, g'inā; k'isnōc, k'isnā; mjažnōc,*

mjaŋnā; mjiknōs, mjiknā; pragnōs, pragnā; stēnōs, stēnā; (za)vjisnōs, (za)vjisnā); два примера с сужённым гласным в корне (niknōs, niknā; seignōs, seignā) по-видимому вторичны. Глаголы с корнями на нешумные (1 л. ед. ч. наст. вр. bjiĵā, ōuĵā, krēĵā, mēĵā, šēĵā [а. п. а]; zĵiĵā, pjiĵā, tēĵā, vĵēĵā, vjiĵā, žēĵā [а. п. е]) не обнаруживают, как и следовало ожидать, следов а. п. б.

Распределение сужённых и несужённых гласных в корнях 1-глаголов в целом соответствует ожидаемому - глаголы, для которых по данным других славянских языков предполагается а. п. а или е, представлены несужённым в презенсе рефлексом корневого гласного, а большая часть глаголов а. п. б - сужённым [далее всюду приводится форма 1 л. ед. ч. наст. времени, в скобках указываются однокоренные имена].

А. п. а: bavĵā, sešā, sešā (*tīxъ), šazā (*šādъ [?]), šiščā (*šīstъ), dēmĵā (*dŭmъ), ježĵā, (vob)lapĵa (*tlāpa), lažā, maslā (*māslō), mēšlā, mača (*mōka), mrožā (*mōrztъ), paĵā (*pāra), pjeŋā (*pēna), plavĵa, pouŋā (*pŭlnъ), pravĵā (*prāvъ), pražā, rēŋā (*rāna), rēšā (*ruxъ, а. п. а или е), seca (*sŭtъ), slabĵā (*slābъ), slavĵā (*slāva), slēŋā (*slīna), stavĵā, strašā [в кашубском варьирование: 3 л. ед. ч. straši/strāši] (*strāxъ, а. п. е!), tracā, važā, vjeĵā (*vĕra), zdrovĵā (*zdōrvъ).

А. п. е: buzā, cezā, cešŋā (*tēsknъ [?]), šamĵā, šīŋā (*šīnъ), daŋā (*dārъ), dešā (*dŭxъ), dlēžā (*dŭlgъ), ževĵā sā (*dīvъ, а. п. е или а), zelā (*dēlъ, а. п. б!), garĵā, gašā, gāšā (*gŭstъ), glēšā (*glŭxъ), gloĵā (*gōldъ), (nad)groĵā, kloĵā (*xōldъ), jasŋic (*jāsŭnъ, а. п. а!), javĵā, kažā, klošā sā (*kōlъ), krēvĵā (*krīvъ), kvašā (*kvāstъ), lepĵā, marčā (*mōrktъ), maŋā, mjeŋā, miozā (*mōldъ), muzā, (vob)nažā (*nāgtъ), paršā sā (*pōraĵ), pažā, placā, ražā (*razъ, а. п. а или б!), račā (*rōka), vazā, sešā (*sŭxъ), slerĵā (*slēpъ), slozā (*sōldъ), stēzā, svĵāca (*svētъ), taja, tapĵā (*tōpъ), tēčā (*tŭkъ), vaŋā (*vārъ), vjiŋā (*vinā, А. Сг. vīnō [?]), vrožā (*vōrztъ), zlocā (*zōlto), značā (*znākъ).

А. п. б: blāžŋā, bičĵā (*bičъ, а. п. а или б), dožā, dlāvĵā, 3 л. ед. ч. dŕēžĵi, (vo)glŭpĵā (*glŭpъ), grēšā (*grēxъ), xvācā, xvālā (*xvalā, А. Сг. xvalō), xīiā, klōcā, krēšā (*krasā, А. Сг. krasō), kročā (*krōtъ, а. п. е!), (vo)kroglā, krožā (*krōgtъ, а. п.

ɛ!), křevjā, kūrjā, kūrā, lūbjā (*lūbь), lūrjā, lōčā, močā, mlāq,
 mjāžjā (*mēzga, A. Sg. mēzgf), mjēřā (*mēra, a. п. ɛ!), mlōčā
 (*mōltь, a. п. ɛ!), nāglā (*nāglь), 3 л. ѓд. ч. pāřēi sā (*přexь),
 pūžča [но в ряде других языков - рефлексы а. п. ɛ] (*pūstь, a. п.
 ɛ!), rāčā, rōbjā (*rōbь, a. п. ɛ!), řīzā (*ředь, a. п. b или ɛ),
 řēžā, sōzā (*sōdь), slūžā (*slugā, A. Sg. slugf), slēzā (*slēctь,
 a. п. ɛ!), smjēšā (*směxь, a. п. ɛ или b), stāpjā, střēbřā
 (*serbrō/sřrebrō), svjēčā (*světь, a. п. ɛ!), šālā, ščerpjā
 (*ščěpā, A. Sg. ščěpf), ščīřā, tōžā (*tagā, A. Sg. tagf), trūzā
 (*trūdь), trōbjā (*trōbā, A. Sg. trōbf), vābjā, vrōčā (*vōrtь, a.
 п. ɛ!), vāžā, vlōčā (*volkь, a. п. ɛ или b).

Обращает на себя внимание, однако, группа из 10 глаголов с
 несуженным вокализмом в презеное, для которых данные внешнего
 сравнения с достаточной определенностью указывают на а. п. b:
 bjelā, blēžā, brohā, buřā, čarhā, gñežjā, xrohā, krocā, řīžā,
 vāžā. Любопытно, что 4 глагола из этой группы (blēžā, krocā, řīžā,
 vāžā) образованы от того же корня (не засвидетельствованного в
 чистом виде), что и соответствующие прилагательные на *-ьk-, при-
 чем у зафиксированных в словинском прилагательных blīzk'ī и
 křčtk'ī, в отличие от однокоренных глаголов, представлен суженный
 гласный. Впрочем, для глаголов, образованных от прилагательных (к
 ним, кроме названных выше, относится антонимическая пара bjelā и
 čarhā), возможно и другое объяснение: происхождение их от сравни-
 тельной степени соответствующих прилагательных: (по)низить -
 'спустить ниже', (с)узить - 'сделать уже' и т. п.

Особая проблема связана с изучением акцентологического
 аспекта словообразовательных отношений в данном глагольном классе.
 Как известно, отыменные i-глаголы ведут себя аналогично другим
 деноминативам с "минусовыми" суффиксами (акцентная парадигма про-
 изводного глагола должна при этом совпадать с акцентной парадигмой
 производящего имени), а для отглагольных образований (каузативов и
 итеративов) соотношение акцентных характеристик непонятно (итера-
 тивные глаголы на -i- возможно вообще не имели подвижной а. п.:
 для каузативов восстанавливаются все три парадигмы, но безо всякой
 взаимосвязи с а. п. производящих основ).

Во многих случаях отграничение деноминативов от deverбативов
 представляет непреодолимые трудности, что, в свою очередь, приво-

дит к множественности этимологических решений. Так, например, глагол *blǫditi можно возводить к *blęsti (а не к существительному *blǫď), глагол *volčiti - к *volči, а не к *volkь - и т. д. У некоторых глаголов (например *světiti) обнаруживаются следы обоих словообразовательных типов. Однако в тех случаях, когда отыменное происхождение 1-глагола очевидно, его акцентуация легко может быть выведена из акцентных характеристик производящего имени.

Анализ отклонений от ожидаемой акцентовки в рассмотренном выше материале показывает, что в большинстве случаев такого рода а. п. ѣ в глаголе не соответствует акцентным характеристикам однокоренного непроемного имени: křǫcǫ (< ѣ), křǫžǫ (< ѣ), mǫjěǫ (< а), rǫžǫ (< ѣ), rǫbjǫ (< ѣ), slěžǫ (< ѣ), svjěcǫ (< ѣ), vrǫcǫ (< ѣ), vlǫčǫ (< ѣ); обратное соотношение можно предположить только для глаголов гѣѣа и вѣѣа. Как уже было сказано, глаголы blǫcǫ, vlǫčǫ, svjěcǫ, а также vrǫcǫ, и, возможно некоторые другие, отражают акцентуацию итеративов. Однако по крайней мере в четырех случаях: křǫžǫ, mǫcǫ, rǫbjǫ и slěžǫ, суженный корневой гласный отражает, скорее всего, древнюю а. п. ѣ производящего имени, перешедшую в большинстве славянских языков в а. п. е (так называемую а. п. ѣ; сюда же следует отнести глаголы *lǫzǫ и smjěžǫ). На это указывает материал некоторых восточнославянских говоров, согласующийся с данными окривных хорватских диалектов (исследование В. А. Дыбо и С. Л. Николаева, позволяющее существенно расширить состав этой архаической группы, впервые выявленной В. М. Илич-Свитычем, будет опубликовано в ближайшем будущем). Таким образом, в системе поморских 1-глаголов отражается первоначальная а. п. ѣ имен, перешедших впоследствии в а. п. е.

В заключении суммируются основные выводы, которые позволяет сделать рассмотренный в диссертации северолехитский материал.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. К вопросу о северолехитской акцентологической реконструкции. Непроизводные имена существительные в словинском. //Валто-славянские исследования 1984. М., 1986. с. 134-157.

2. Реликты праславянских акцентных отношений в системе поморского глагола (I). //Советское славяноведение, 1987, № 5. с. 50-58.

В. Доргагирев

